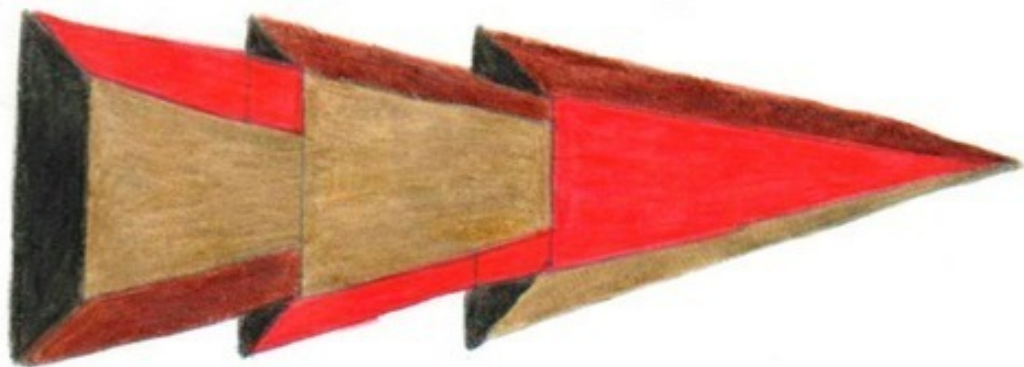


Нара Вубальди

Птичка



Лара Вивальди

Птичка

«Издательские решения»

Вивальди Л.

Птичка / Л. Вивальди — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831908-2

Эта история о двух мечтателях, имеющих общие интересы, но совершенно противоположные взгляды на жизнь. Он — художник-авантюрист, жаждущий прославиться во что бы то ни стало. Она — простая медсестра, мечтающая покорить французский кинематограф. Однако жизнь не так проста, как кажется. Ведь часто перед тем как заполучить желанное, необходимо хорошенько потрудиться.

ISBN 978-5-44-831908-2

© Вивальди Л.
© Издательские решения

Содержание

I	7
II	11
III	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Птичка

Лара Вивальди

© Лара Вивальди, 2016

ISBN 978-5-4483-1908-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Уже давно звук пишущей машинки мешал спокойно спать по ночам жильцам одного небольшого старого дома, находящегося неподалёку от самого центра Парижа.

Все знали, что этот ужасный надоедливый громкий звук доносился из квартиры молодого художника Месье Валентайна. Тот, ей-Богу, был виновников всех бед несчастных жильцов этого дома. И вот, буквально две недели назад этот завзятый бабник вздумал сделать себе карьеру великого писателя-романиста.

«Она всегда улыбалась. Я очень любил её милую робкую улыбку. Мне всегда казалось, что я был недостоин её... Я затрудняюсь сосчитать, сколько раз в пьяном виде я просил её оставить меня в покое и не возвращаться в мою квартиру. Но она всегда оставалась, глядя на меня своими светлыми добрыми глазами, полными материнской любви...» – судорожно писал Валентайн, вытирая со лба горячие капли пота.

Вдруг скрипнула дверь. Он резко обернулся и даже слегка привстал, чтобы быстро, на одном дыхании промолвить: «Прости».

Приметив, что в дверях никого не оказалось, он упал в своё старое скрипящее кресло, положил пишущую машинку себе на колени и продолжил писать:

«И вот, тогда она ушла навсегда, так и не вернувшись. Увы! Как жаль, мы так поздно осознаём, что уже упустили то, к чему так упорно шли долгие-долгие годы. Каким же я был глупцом! Я никогда не смогу простить себя. Я потерял свою Птичку...»

Буквально несколько минут назад молодой художник Джозеф Валентайн Бурден, более известный, как Месье Валентайн, закончил работу над своим первым и единственным литературным творением. Тогда он совсем не подозревал, что когда-то его произведение станет культовым.

Спустя два десятка лет всемирно известный американский певец Джордж Максвелл исполнит песню «Птичка» на своём сольном концерте в Нью-Йорке. Её и до сегодняшнего дня охотно напевают приверженцы «хорошей музыки». Эту песню часто крутят по радио. Одно время было модно исполнять её в караоке. Даже сейчас, спустя столько лет, биографию Джорджа Максвелла изучают во многих музыкальных школах по всему миру, а о влиянии его легендарной песни на культуру того времени сняли целый фильм.

Но, к сожалению, никто так никогда и не узнает, кто же такая «Птичка» и, кто был её создателем...

Добавлю только, что Валентайн, как уже ранее упоминалось, был художником. Работал он в основном в необычных молодых направлениях, таких как авангардизм, сюрреализм и даже постимпрессионизм. Но его творения никогда не будут приравняться к бессмертным шедеврам Сальвадора Дали, Пабло Пикассо или Винсента Ван Гога. Он будет известен лишь только благодаря своим портретам и только здесь в Париже.

Вы можете отправиться в Прованс, в Шампань или даже в Женевилье, и спросить там о деятельности Джозефа Валентайна Бурдена. Уверяю вас, не найдётся ни одного француза, кто ответит вам, что знает об этом самом человеке. Но, а если вы спросите у них о «Птичке», они тут же, широко улыбнувшись, громко воскликнут: «Oui, oui!» и с неким затруднением

примутся декламировать вам приведённые выше строки, даже и не подозревая, что их создателем был бедный одинокий художник из Парижа...

I

«О, Валентайн, Валентайн!» – тихонько прошептала молодая Розали, поглядывая на приоткрытое окно на втором этаже, из которого мягкими белыми клубами валит густой дым.

Девушка глубоко вздохнула и потуже затянула пояс своего тёмно-зелёного платья. Затем она быстро приподняла с пола тяжёлую плетёную корзину для пикника, – полную еды, – и торопливо с уверенностью направилась к узенькой деревянной двери подъезда того самого дома, где жил Месье Валентайн.

Дверь в его квартиру, как всегда, была незапертая.

Из комнаты доносился громкий женский смех, похожий больше на крики маленького напуганного поросёнка. Этот ужасный звук, распространявшийся по всем этажам, казалось, забрался в каждую трещинку, в каждый уголок старого дома. Из соседней квартиры послышался детский плач и возмущённые крики разъярённого отца этого ребёнка.

Недолго раздумывая и ничуть не опасаясь предстоящей картины, Розали решительно зашла в квартиру, громко стуча каблуками по полу, чтобы заставить хозяина дома и его гостью слегка притихнуть.

– У тебя такие красивые руки, – говорил Валентайн, внимательно разглядывая белые пухлые пальцы Пампушки Жозефины. Затем он искусно вынул сигару изо рта, грациозно приподнял голову вверх и с жаром выпустил большой клуб дыма.

– Ох, Месье Валентайн, – с наигранной застенчивостью произнесла Пампушка, прикрыв рукою правую щеку, пытаясь скрыть алый румянец. – Вы хотите нарисовать их?

– Их?! – Недоумевая воскликнул Валентайн.

– Мои руки, – испугано пояснила девушка.

– Ну, по-вашему, – тихонько прошептал Валентайн, – когда художник говорит о таких вещах, как о красоте, что он имеет в виду?

– Он, он... Наверное, он хочет нарисовать это, – задумчиво произнесла Пампушка, украдкой улыбнувшись. – Я всегда знала, что у меня очень красивые руки! Когда же вы начнёте рисовать?

– Давайте как-нибудь в следующий раз, моя дорогая, Жозетта.

– Жозефина! – возмущённо воскликнула девушка, заметив, что в комнату зашла Розали. – Жозефина! – повторила она. – Когда вы уже запомните, Месье Валентайн?

– Au revoir.

Пампушка резко приподнялась с дивана, схватила своё синее боа, – сделанное то ли из перьев молодого индюка, то ли из старой индюшки, – обвила его вокруг шеи, как злого ненасытного удава, натянула на голову шляпку; и гордо приподняв голову вверх, сделала несколько небольших, неторопливых шагов навстречу Розали.

– А как часто Месье Валентайн рисует ваши руки, моя дорогая Розали? – съязвила Жозефина, краем глаза поглядывая на девушку.

– Ха-ха! – засмеялся художник. – Мадемуазель Жозетта...

– Жозефина!

– Мадемуазель Жозефина, – продолжил он, – нет никакого смысла задавать таких вопросов Розали. Она слишком «модельная» особа. Я рисовал её портреты уж столько раз, что, если бы меня попросили обклеить ими всю Эйфелеву башню, от шпиля и до самой земли, уверяю вас, мне бы удалось это сделать. И, наверное, ещё бы и осталась парочка набросков.

– Хм-м! – промычала Жозефина и вышла, медленно прикрыв за собою дверь.

Убедившись, что она ушла, Валентайн закурил ещё одну сигару и, выпустив очередной клуб дыма в потолок, громко засмеялся.

– Ты когда-нибудь научишься называть её по имени? – спросила Розали.

– Я помню только, что её называют Пампушкой, и то, что её имя начинается на «ж». Какая разница в том, кто приносит мне сигары, Жозефина или Жозетта? Главное, что каждые две недели они появляются в моей квартире, вот и всё!

– Ты будешь рисовать её? – настороженно спросила Розали, выкладывая продукты из корзины на запылённый стол.

– Её?! – Он рассмеялся снова. – Её – нет, конечно! А вот тебя... Тебя бы я нарисовал... Стой! – воскликнул Валентайн. – Не шевелись!

Он быстро подбежал к столу и схватил чистый лист бумаги и плохо заточенный чёрный карандаш. Девушка застыла на месте. Он осторожно, не спеша подошёл к ней; приподнял свои длинные тонкие «пальцы пианиста» к её подбородку и слегка наклонил её голову набок.

– Вот так вот, – прошептал он, не отрывая глаз от её лица. – Только не шевелись!

Валентайн принялся рисовать. Сначала он попытался медленно и аккуратно отобразить овал лица, потом быстро и очень искусно навёл глаза, нос, волосы и заметил:

– Что за привычка следовать моде? Эти красные губы выглядят не только до ужаса неестественно, но ещё они никак не поддаются рисованию. Вот как, по-твоему, имея чёрный карандаш, я должен не испортить твои губы? А!?

– Я не знаю, – растерянно произнесла Розали.

– Не шевелись!

– Но я больше не могу не шевелиться! Я больше не чувствую своего правого плеча, а по пальцам бегут мурашки. Ты присмотришь: мои руки уже посинели!

– Не-ет, – протянул художник, поглядывая на дрожащие пальцы Розали. – Нет! Они лишь только побелели... Слегка. Лёгкий оттенок мертвенной белизны визуально делает твои руки выразительнее... Я никогда не перестану повторять: у меня ещё никогда не было такой модели, как ты. Ты рождена для позирования... И ни одни руки в мире не сравнятся с твоими. Ты только взгляни на них!

Девушка краем глаза взглянула на свою дрожащую руку. Ощувив смятение, которое так легко можно спутать с обыкновенным волнением, она резко убрала руку, воскликнув:

– Всё! Хватит!

– Ну-у-у, – промычал Валентайн. – Как всегда, нужно помешать своей неусидчивостью родиться новому шедевру! Боже! Как так можно?! Как так можно? Никакой взаимопомощи.

– Взаимопомощи?! – воскликнула девушка, усердно смахивая тряпкой густую пыльную пелену со стола. – Какая взаимопомощь?..

– Той, которой нет в наших отношениях, – воскликнул художник, приподняв указательный палец правой руки вверх.

Наступило минутное молчание. Розали продолжала с усердием смахивать густую пыль. Пыль собиралась в клочья, отрывалась от ровной гладкой поверхности, кружилась, кружилась, а после медленно спускалась на пол. Валентайн внимательно наблюдал за этой картиной. Девушка пыталась как можно дольше молчать. Однако в отличие от Валентайна, у неё это не очень хорошо получалось. Смятение сжимало её изнутри, ей было трудно дышать. Девушка почувствовала такого рода боль в груди, словно носила узкий корсет. Она ощутила на своих щеках яркий жгучий румянец.

– Да-а-а, – протянул художник. – Кажется, я и сам не понял, что сказал. А ты поняла, о чём я говорил? Нет?.. Ну, не молчи! Жозетта бы... или как там её?

– Жозефина, – спокойно ответила Розали.

– Без разницы, – махнул рукой Месье Валентайн и, словно поверженный, упал в своё мягкое скрипучее кресло. – Жозетта, Козетта, Жозефа...

– Жозефина, – повторила девушка.

– Я же и говорю: без разницы! По-твоему, этой женщине-пышке мои речи кажутся доходчивыми?

– Вполне, – пробормотала Розали.

Она было хотела спросить его о чём-то и даже приоткрыла рот, собираясь с мыслями, но художник опередил её:

– Мне ведь нужно кормить её пустую голову, в которой вечно дует ветер, какими-то умными фразами. За всё приходится платить, ты же знаешь! У меня нет денег. Поэтому я платил ей за всё поэзией. Поначалу я читал ей Шекспира, в конце концов, остановился на Байроне. Потом я много и очень даже профессионально импровизировал: говорил красивые душераздирающие и очень непонятные речи, что только в голову приходили мне. А сейчас, видно стареет мой здравый разум...

– Портится, – добавила девушка. – Конечно же, столько курить и пить!

– Я и говорю: сейчас у меня так не выходит, приходится продумывать всё заранее.

– Интересно, – улыбнулась Розали, протирая мебель, – скольких девушек ты свёл с ума на этой неделе?

Художник призадумался:

– Всего лишь троих. Но это ничего. На прошлой неделе – семь.

– По одной в день?

– Нет, в воскресенье у меня был выходной.

– И что ты обещал им?

– Портреты, портреты и только портреты! Представь себе, сейчас уж никто не хочет пейзажей. Ведь пейзажи можно всем рисовать одинаковые. Можно даже схлтурить, добавить больше цвета, в конце концов, заляпать картину краской – всё равно получится красиво!.. А с портретом так нельзя... Я предлагал им даже немного *avant-garde*, подобного «Крику» Эдварда Мунка. Но, почему-то, им показалось это отвратительным, пугающим. Они предпочитают только и только реализм.

Валентайн засунул свою руку под кресло и вытащил оттуда полупустую бутылку муската. Он тихонько открыл её и принялся с жадностью утолять жажду. Алые капли одна за другой текли по его густой чёрной бороде, затем – по длинной белой шее. Заметив, что голосистый творец притих, Розали почувствовала неладное, и, обернувшись, заметила, как он осушил почти всю бутылку. В душе девушка ощутила странное слияние злобы, ненависти и жалости к этому человеку одновременно. Но потом она поняла, что жалость тут совсем ни к чему.

Она быстро подошла к нему и вырвала из рук бутылку.

– Не пей! – кричал художник. – Я немного приболел, не хочу заразить тебя.

– Ах, да, – иронично воскликнула девушка. – Значит, ты болеешь, и значит, ты лечишься таким образом?

Месье Валентайн прикрыл глаза и спокойно спросил:

– Зачем дважды повторять слово «значит»?

– Когда же ты найдёшь себе работу? – воскликнула девушка.

– Я работаю, – ответил художник. – Я пишу картины. Не заметно, да?! Моей работы ведь никто не видит, – принялся причитать он. – Да! Художник – это ведь не род занятий, это развлечение! Живописью занимаются только те, кому заняться нечем... Так, на досуге... Заняться нечем!

Он говорил это всё тише и тише, всё медленнее и медленнее. Совсем скоро он и вовсе перестал говорить; его глаза медленно слипались. Спустя минуту голубизну его ясных лукавых очей скрыли густые чёрные ресницы – он заснул.

Как же мирно он спал! Словно младенец. Нельзя было даже и подумать, что в душе этого человека таится что-то греховное. Спящим он казался таким безвинным, наивным и незащищённым, что Розали едва ли не растрогалась, совсем забыв о его равнодушии и далеко небезупречных манерах.

Девушка тихонько взяла свои вещи и так же тихо, на цыпочках направилась в сторону двери, ещё раз взглянув на мирно спящего, пьяного и безработного, но очень милого, сентиментального человека – Джозефа Валеинтайна Бурдена, более известного как Месье Валентин.

II

«Сколько себя помню, я всегда мечтал прославиться,» – писал как-то Валентайн в своём дневнике.

Он вёл дневник почти всю свою сознательную жизнь. И делал это только потому, что опасался забыть что-то очень важное. Больше всего в своей жизни он боялся потерять память и жениться на толстухе. Потеря памяти была для него страшнее конца света. Он был как никогда уверен, что его одолеет либо болезнь Альцгеймера, либо старческий склероз.

«Я всегда хотел прославиться, но никогда не знал, каким именно путём, – писал он. – Я хотел быть музыкантом, актёром, поэтом и даже акробатом в цирке. Увы, я никогда не мог понять, какой именно род занятий мне ближе. И всё же, я решил для себя стать живописцем. К тому же женщины любят их. Это уж точно! Они боготворили меня, как ненормальные. Они любили и обожали меня. Они готовы были практически на всё, дабы заполучить меня. И мне это нравилось. Я играл их любовью, как только моей душе было угодно. Чистая правда! Абсолютно все женщины любили меня. Абсолютно все пытались добиться от меня взаимной любви. Абсолютно все... Кроме одной Дюймовочки...»

Жаль, но Дюймовочке Месье Валентайна, – напомним, что её звали Розали, – не посчастливилось встретить в жизни человека, которым она могла бы восхищаться так же пылко, как женщины восхищались художником. Её круг общения был очень небольшим. И, признаюсь честно, Валентайн был самым искренним и добрым человеком из всех, с кем ей удалось повстречаться.

В отличие от Валентайна, она всегда считала, что чем меньше людей знает о её существовании, тем меньше у неё проблем. Ей вполне было достаточно иметь двух-трёх верных друзей, на чью поддержку и помощь она могла бы рассчитывать в любое время.

Прошлое Розали всегда старалась поскорей забыть. Она никогда не понимала людей, которые дорожили своими воспоминаниями и жили прошлым. Розали всегда старалась уверенно смотреть в будущее и считала, что именно вера в счастливое будущее и движет нами.

В её жизни был только один человек, который всегда с ней соглашался, но имел совершенно противоположные взгляды. И насколько бы ни были ужасны манеры этого человека, насколько бы дерзкими ни были его высказывания, его привычки, девушка, покидая его квартиру, старалась поскорее вернуться обратно, чтобы снова и снова любоваться его ленивой физиономией.

Розали около двух лет тому назад посчастливилось устроиться медсестрой в госпиталь Питье-Сальпетриер. Сколько же раз Валентайн отговаривал её от этой должности, советуя ей идти в актрисы. Розали решила не обращать никакого внимания на его упрёки. Она не была против, но ей нужно было работать, чтобы хоть как-нибудь содержать больного отца (в основном отцом занимался старший брат Розали). Но старик-отец никогда не ценил стараний дочери. Ему всегда казалось, что её действия направлены только на то, чтобы поскорее свести его со свету.

Помимо отца и брата у Розали ещё была тётя Адель, по отцовской линии; она жила в Верхней Нормандии, откуда родом вся семья девушки.

Если говорить об интересах, то кроме живописи, Розали ещё любила кино. Кино, – по её мнению, – было лучше книг, газет и театра. Она любила кино, как никто не любил. Она свято верила, что только карьера киноактрисы принесёт ей счастье. Девушке одинаково были интересны и «Безумие доктора Тюба», и «Убийство герцога Гиза», и даже «Я обвиняю» с Ромуальдом Жоубе.

Скажу по секрету, вечерами Розали часто сидела у открытого окна и думала о том, что когда-то она, как всегда, выйдет из дома и направится быстрым шагом в сторону госпиталя Питье-Сальпетриер, но, не задумываясь, радостно пройдёт мимо и направится в киностудию. Она представляла, как перед ней открываются высокие ворота киностудии, как она с улыбкой на лице здоровается с каждым её работником, как она в перерывах между съёмками оживлённо рассказывает режиссёру о своей былой жизни, как с увлечением её заманчивые речи слушает сам Жоубе, о том, как она счастлива и любима.

Спустя неделю девушка вновь направилась в гости к художнику. Она остановилась на середине проезжей части, которая очень часто пустовала, и вновь, как и неделю назад, пробормотала: «О, Валентайн, Валентайн!» поглядывая на приоткрытое окно на втором этаже, из которого мягкими белыми клубами валил густой дым.

Дверь в его квартиру, – как всегда, – оказалась незапертой. Услышав, что из неё не доносится ни звука, Розали тихонько приоткрыла дверь и также тихо зашла.

Поперёк кресла, задрав босые ноги к потолку, лежал художник, покуривая сигару и напевая весёлую мелодию, похожую одновременно и на «Французский марш», и на «Марсельезу».

Его лицо имело бледно-зелёный оттенок, а под глазами светились огромные тёмные круги. На полу валялись пустые тюбики красок, кисти и кисточки, испорченный чёрной краской портрет и разломанный на две части деревянный мольберт.

– Валентайн!? – испуганно воскликнула девушка. – Что это?

Художник попытался пожать плечами и произнёс:

– Как видишь – сплошной беспорядок.

– Я вижу, – ответила Розали.

– Ты, наверное, уже успела плохо обо мне подумать, – говорил он, – но не стоит этого делать. Ведь весь этот ералаш – дело рук Жозетты...

– Жозеф... – начала было девушка.

– Да, я знаю, знаю. Не важно!.. Так вот, она вчера, значит, пришла, принесла мне сигары, с таким напудренным белым лицом, и спросила меня, когда я планирую начать работу над её божественными руками. Ну, я и ответил, что не планирую, что у меня слишком много работы, заказы, очередь на год вперёд.

– И-и-и? – нетерпеливо протянула Розали, приподнимая с пола осколки разбитой вазы с рисунком китайского дракона.

– Так вот, стоило мне всего-навсего сказать: «Может быть вы, моя милая, Жозетта...» Как она разнесла вдребезги всю мою квартиру. С ужасом вспоминаю, как она сначала прыгала по комнате, потом покачиваясь, начала расхаживать со стороны в сторону, словно гигантский слон, и так громко орать: «Жозефина! Сколько можно! Я – Жозефина!»

– И-и-и?

– Что, и-и-и?! – возбуждённо произнёс художник. – Я, конечно же, не вернул ей свои сигары. Вот только кто мне будет приносить новые? Покупать – слишком дорого. У меня денег на краски то и нет, приходится довольствоваться карандашом.

– Интересно, – произнесла Розали, раздумывая совсем об ином.

Спустя несколько минут она сказала:

– Как давно ты выходил на улицу?

Месяе Валентайн призадумался, покосившись на открытое окно.

– Около месяца тому назад я выходил... Да! Но всего лишь на несколько минут: соседский кот так громко выл, я никак не мог сосредоточиться на искусстве. Сначала я долго целился в него пустым скрученным тюбиком из окна, но потом вышел на улицу и запустив в него лакированными башмаками сына моей соседки-старушки мадам Луизы Шарби. Он разулся перед

входной дверью и оставил их в подъезде. Вот он странный! Как же он громко стучал своими каблуками, как американский степист!

Художник поманил девушку к себе рукой. Та, не задумываясь, медленно подошла к нему и присела на стульчик возле кресла.

– Он до сих пор думает, что их украл какой-то Жерар, который помадит волосы. Не слышала о таком? – прошептал Валентайн.

– Ну, как так можно, – ласково проговорила девушка. – Этот мужчина ничего тебе не сделал плохого.

– Ты бы видала его лицо, когда он снимал свои ботинки. Оно было таким горделивым и гадким. Я бы никогда не подумал, что он сын мадам Луизы Шарби. Она единственная из жильцов этого дома, кто ещё никогда не ругал меня за мои выходки. Ну, не считая, конечно, того малыша Фредерика, который появился на свет три месяца тому назад.

– Мне кажется или ты заговариваешь мне зубы?

– Свежего воздуха мне достаточно.

Девушка улыбнулась и произнесла:

– Скорее одевайся!

– Ты хочешь выгулять меня?

– Если бы, – рассмеялась девушка. – Если бы ты был собакой, то ты бы, верно, сам тянул меня на прогулку. Скорее! Скоро стемнеет.

– Я столько раз видел ночной Париж...

– А представь, что ты впервые в Париже. Куда бы ты отправился тогда?

Недолго думая мужчина приподнялся с кресла и ответил:

– К Эйфелевой башне, конечно же!

Спустя каких-то сорок минут они уже вместе прогуливались вдоль проспекта Сюффрен.

Вместе они смотрелись очень мило и забавно. Она – жизнерадостная невысокая хрупкая девушка в модном зелёном платье, и он – худой высокий мужчина с замысловатой бородкой, гладко зачёсанными назад волнистыми волосами и бледной кожей. Эта парочка привлекала взгляды многих прохожих.

Мужчина отставал от своей спутницы на шаг, а она решительно тянула его за собой, как мать ребёнка, который боится зайти в кабинет врача и вот-вот закатит истерику.

Им навстречу шли две молодые девушки, одетые очень модно и со вкусом. Валентайну они приглянулись. Что греха таить! Он очень любил женщин, но тщательно скрывал этот факт. По его мнению, они выглядели уж слишком «дорого». Вряд ли такие пришлись бы ему по карману.

Приметив физиономию исхудавшего, бледного Месье Валентайна, они тут же отвернулись от него. Начинающего деятеля искусств это смутило, и он тоже от них отвернулся.

– Тебе не кажется, что Париж как-то изменился? – спросил Валентайн свою спутницу.

– Нет, – растерянно ответила Розали. – Мне наоборот всё кажется таким знакомым, привычным...

– Ты разве не заметила, что в том магазинчике по-новому оформлена витрина?

– В том?! Нет, не заметила.

– Хочешь, я могу научить тебя видеть мир всё по-другому?

– По-другому?! – удивилась девушка.

– Да! Ибо если мы всегда всё будем видеть одинаковым, мы просто сойдём с ума. Понимаешь, именно обыденность вызывает у нас гнетущее чувство тоски, уныние и желание покончить с жизнью. Это словно недуг.

– И как же он называется?

– Я не знаю, как называют его другие. Но я называю «душевной агонией». Им страдают многие люди.

– И ты тоже? – спросила девушка.

– Нет! Я вижу всё по-другому. Вряд ли многие сумеют просидеть взаперти несколько месяцев в тишине, наедине с мыслями и ни разу даже не задуматься о своей неполноценности и о неполноценности сего мира.

– Да, наверное! – согласилась девушка. – По-другому?.. И как это?

– Очень просто. Главный принцип – это логическое мышление и твоё воображение.

Они одновременно остановились возле маленькой одинокой скамеечки напротив «Кафе Кармин» и одновременно присели на неё.

– Вон, – спокойно сказал Месье Валентайн, положив ногу на ногу. – Одиноким джентльмен – престарелый английский денди в толстых очках. Как ты думаешь, что он ищет?

Девушка удивленно посмотрела на своего собеседника, слегка приоткрыв рот.

– А откуда ты знаешь, что он английский джентльмен?

– Всё это позже. Сначала, пожалуйста, попробуй ответить на мой вопрос: что он ищет?

– Но, на это очень трудно ответить, – замешкалась Розали.

– Ну-у-у?!

– Откуда мне знать? И к тому же причём здесь всё это?

– Хах! И такие вопросы мне задаёт актриса?

– Я не актриса, я...

– Какая разница, кем ты работаешь. Ты тот, кем ты хочешь и стремишься быть. Ты тот, кем ты являешься в душе.

Девушка глубоко вздохнула, воскликнув:

– Но как?

Художник провёл взглядом незнакомца; тот оглянулся по сторонам и завернул за угол.

– Наблюдательность, – уверенно ответил Валентайн. – Как же можно быть человеком, не замечая других людей?

Девушка смутилась и опустила взгляд.

– Я вижу, – проворчала она.

– Этого недостаточно – просто видеть... Да, простым людям можно видеть всё очень скупое, но я – художник, и мне нужно видеть намного больше. Ты считаешь его обыкновенным прохожим, таким же, как и любой другой. По-твоему, он ничем не отличается от простых, беззаботных, любопытных туристов. Но, нет!

– Как?.. – начала было Розали.

– Как я понял, что он турист? Английский турист? – опередил её Валентайн. – Очень просто! На нём был чёрный фрак. Как часто ты видишь простого человека, который вышел на прогулку, – тем более турист, – в чёрном фраке?

– Довольно часто, – удивлённо ответила девушка, оглядывая художника с ног до головы.

– Меня можно было и не считать, – застенчиво ответил он, – мне больше нечего надеть...

Так вот, – продолжал он, повышая тон. – Фрак сейчас уже без повода никто не носит – это раз. Он, видимо, дипломат. Потому что даже англичанин не будет прогуливать по Парижу во фраке. Это очень непрактично. К тому же он очень занятой и скорей всего впервые в Париже – это два. Слишком короткий спереди и слишком длинные фалды сзади, – так может только Англия, – это три. У него огромные очки с толстыми линзами, левый глаз слезка прищурен – раньше, верно, он предпочитал носить монокль, окончательно испортив себе зрение – это четыре. И зрение у него настолько плохое, что он даже не может заметить Эйфелеву башню, в триста двадцать четыре метра высотой, перед своим носом – это пять!

– Хорошо, а как мы узнаем, что это правда?

– Пойдём!

Художник резко вскочил со скамьи и, крепко схватив Розали за руку, быстро потащил её за собой. Они свернули за угол кафе и побежали вдоль площади Жоффр. Спустя минуту они настигли английского туриста. Он, заметив их, встрепенулся и отскочил в сторону.

– Excuse me, – проговорил он, – I looking for Eiffel Tower.

Месье Валентайн указал рукой в сторону бессмертного символа французской столицы.

Англичанин оглянулся, затем приподнялся на носки и, приоткрыв рот, воскликнул:

– Spire! How beautiful!

Он повернулся и, вприпрыжку, как ребёнок, помчался обратно к проспекту Сюффрен. Мимо него медленно ковылял старичок лет девяноста с длинной белоснежной бородой. Увидев англичанина, скачущего ему навстречу, как умалишённый, он даже отпрыгнул в сторону, чтобы пропустить чудака. Старичок усмехнулся, взглянув на Розали, поражённую удивлением, и заметил:

– Да, Париж умеет творить чудеса! Из свихнувшихся приезжих он делает окончательных безумцев.

– Видишь, – заметил художник, – не обязательно обладать особым даром, чтобы понимать, кто есть кто.

– Да, туристов вычислить можно почти что сразу, – ответила Розали. – Они всегда что-то ищут, останавливаются, чтобы разглядеть повнимательней каждый куст, задумываются о форме этих кустов, их положении. А ещё они заходят в дорогие магазины, с удовольствием скупают различную ненужную мелочь и не жалеют о том, что потратили слишком много денег.

– Верно, – согласился Валентайн. – Когда мы выходили из дому, ты обещала мне что-то сказать. Помнишь?

– Я?! – растерянно воскликнула девушка. – Ах, да!.. Через несколько дней я уезжаю к своей тёте Адель в Верхнюю Нормандию, в Руан.

– Тётя Адель? – принялся вспоминать художник. – Та, что так и не вышла замуж?

Розали с удивлением взглянула на своего собеседника, и, отпустив его ледяную руку, быстро зашагала вперёд.

– Как?! Ты обижаешься?! – воскликнул Месье Валентайн, безнадёжно взмахнув руками. – Но ведь это правда! Она ведь не вышла замуж и никогда не выходила. Так ведь?

– Зачем несколько раз повторять слово «ведь»? – ответила девушка вопросом на вопрос. – Если бы ты писал рассказ или какое-нибудь другое произведение, оно бы получилось... Получилось...

– ...Слишком малограмотным и скупым, – подхватил художник.

Несколько минут они молчали, медленно шагая к проспекту Бурдоне. Розали смущённо опустила голову вниз и внимательно разглядывала свои туфельки, словно видит их впервые. Художник, наоборот, шёл с гордо поднятой головой, наблюдая за позолоченными солнцем мягкими облаками.

– И всё-таки, если начинать писать книгу, то, – для начала, – нужно подумать, вернее, даже продумать и записать каждую замысловатую фразу, затем выстроить их в определённом порядке, и только потом, в конце, воссоединить их с текстом – наполнить произведение моральностью. – Рассуждал художник. – Потому что, книга без моральности – никакая не книга, а обычная брошюра, которую никто никогда не прочитает просто так, для удовольствия.

Девушка с интересом вслушивалась в его речь. Она даже подумала, что эта самая речь и есть той замысловатой фразой, которая когда-то поможет другим, таким же замысловатым фразам, вместе создать целую моральность одного большого произведения.

– Так, твоя тётя живёт в самом Руане? – спросил Валентайн, приблизившись к своей спутнице.

– Да! То есть, нет! Не в городе – за его пределами, недалеко.

– В пригороде?

– Да.

– Хм-м.

Месье Валентайн задумался, почёсывая свою бородку. Мимо него пронеслись две девушки, лет шестнадцати. Увидев мужчину пленительной красоты с пугающим волчьим взглядом, они решили обойти его «десятой дорогой». Художник в ответ на их реакцию только пожал плечами.

– И как долго ты там будешь? Неделю?

– Я планирую остаться там до августа.

– До августа? – вскричал Валентайн, выпучив глаза. – Это ведь почти два месяца!

– Да, – согласилась девушка.

Художник ничего не ответил. Он только вздохнул и словно погрузился в глубокое отчаяние.

Девушка улыбнулась и сказала:

– Не волнуйся, с работы меня отпустили. У меня ведь почти два года не было каникул. Я вернусь...

– Целых два месяца в молчании, наедине со смертной скукой, – пробормотал он.

– Не волнуйся, я привезу тебе птичку – соловья. Помнишь, ты хотел птичку? Моя тётя очень любит певчих птиц. В особенности...

– ...Красного кардинала, – подхватил художник. – Да, я знаю. Ты рассказывала мне об этом когда-то. Однако эта птица привлекает не так пением, как яркой окраской. Правда, ведь?!.. А я люблю слушать пение лесной завирушки. Ты слышала?

Девушка отрицательно покачала головой.

– Эта птица несколько непривлекательна – напоминает воробья. Но её пение, её голос!.. – Месье Валентайн на минуту задумался. – Ведь у птиц это тоже называется голосом? Я имею в виду: «оно» характеризуется, как голос? – Художник принялся делать медленные, плавные круговые движения руками, желая объяснить задуманное жестами. Однако попытки оказались бессмысленными; девушка не поняла его намёков.

Осознав безуспешность своих действий, Валентайн поражённо опустил голову. Спустя несколько секунд он приподнял её, улыбнулся, и неожиданно для Розали, резко приблизился к ней настолько близко, что она даже испугалась не на шутку.

– Представь, – прошептал художник, – что-то похожее на скрежет стальной патефонной иглы и этот звук, который издаёт стекло, когда его тщательно трут тряпкой. Представляешь?

– Нет, – отрезала девушка.

Мужчина глубоко вздохнул и пробормотал:

– В прошлый раз, когда ты уезжала, ты помнишь?..

– Конечно же, я помню, Валентайн, – раздражённо ответила Розали, – твою квартиру, заросшую густой паутиной, застывшую чёрную краску на стёклах, которую до конца так и не удалось оттереть, разбросанные по комнате рваные куски бумаги и твой... И твоё ужасное бледно-зелёное лицо, как у мертвеца.

– Тогда я даже забыл французский – молчал целых шесть недель!

– Разве так сложно было просто выйти на улицу и...

– Мне этого было не нужно, – отмахнулся художник. – Так было задумано. Я хотел нарисовать тишину, и для начала я должен был её увидеть.

– Тишину, – проговорила девушка усмехнувшись. – Но как можно нарисовать то, чего не видишь? Тишина – она же никак не выглядит! Ведь нет такого предмета, как тишина, это всего-навсего такое понятие, оно невидимо.

– «Постоянство памяти».

– Что?! – удивилась девушка. – Я не расслышала.

– Шедевр испанского художника Сальвадора Дали – «Постоянство памяти». Время, которое плавится на солнце. Время, изображённое как часы. Потому что время ассоциируется с часами. «Просвещенные удовольствия» – тоже Дали – детские страхи самого художника.

– Страхи всегда видимы, поэтому их можно отобразить, – пояснила Розали.

– А как можно отобразить боязнь быть собой, боязнь социума, боязнь отношений или страх одиночества?.. Можно ли? Страх, характеризующий плохое предчувствие, боязнь потерять время, боязнь потерять что-то или кого-то. Как долго придётся наблюдать за поведением, за эмоциями человека, испытывающего этот страх, чтобы понять его и попытаться объяснить?

Девушка медленно покачала головой. Она и не собиралась отвечать, ведь даже не поняла, что художник задал ей вопрос.

На протяжении всего вечера Месье Валентайн старался хранить молчание. На его белом мраморном лице красовалась притворная улыбка. Розали же, наоборот, пыталась заговорить, но всё было напрасно, разговору так и не судилось состояться.

Ещё долго можно рассказывать об их прогулке по Парижу. Однако нет никакого смысла. Хочу заметить только, что Валентайну казалось просто необходимым сохранять непринуждённый весёлый вид. Он думал, что именно так он заставит девушку понять, что он совершенно не огорчён, что она уезжает. Художник задумал грандиозный план, и только тишина, спокойствие и несколько недель, предназначенных исключительно для размышлений над затеянным проектом, сумеют помочь ему осуществить сей грандиозный замысел.

Что он задумал?.. Пока что он сам ещё не понимал всей сути своей задумки, но она уже ему нравилась. Он считал себя счастливей всех жителей Парижа. Кому ведь ещё может взбрести в голову что-то настолько же величайшее?

«Разве что Пабло Пикассо,» – подумал бы художник.

III

Спустя пять дней ровно в восемь часов утра по Парижу, Розали стояла на самом краю железнодорожной площадки, словно в последний раз оглядывая огромную подвесную крышу вокзала Сен-Лазар. Поезд Париж-Руан должен был отправиться с минуты на минуту. Но девушка никак не осмеливалась вступить на борт длиннохвостого шипящего «чудовища». Взглянув на часы и осознав, что время ещё довольно раннее, девушка глубоко вздохнула.

Она подумала: «Верно, Валентайн всё ещё спит. Верно, он снова до самого рассвета был занят рисованием...»

Она представила, как молодой художник сладко дремлет, раскинувшись поперек кресла.

И всё-таки ей будет очень его не хватать. Он был единственным человеком, кто верил в неё и в её невероятную мечту.

«Человек счастливый не должен мечтать, в его жизни существуют все слагаемые, делающие его счастливым», – подумала девушка. Она поклялась себе до возвращения в Париж не вспоминать о существовании такого невероятного чуда, как кино. Однако, вскоре ей покажется это слишком сложным, ведь о своей будущей кинокарьере и работе с самим Чарли Чаплином она думала постоянно.

– Мадемуазель, – воскликнул проводник вагона поезда, протянув Розали руку в белоснежной перчатке, – только вас одну ждём!

– Если бы, – ответила девушка, взобравшись на борт.

Спустя несколько минут поезд тронулся и медленно покатился по рельсам. За этим явлением наблюдали около пятидесяти провожающих. Кто-то из них улыбался, кто-то плакал; все дружно, как по сигналу, начали махать белыми платочками, шагая за уходящим поездом. Лишь только один высокий мужчина значительно отличился от всех: он спокойно стоял в стороне, опираясь плечом о столб. Мужчина провёл уходящий поезд взглядом и только глубоко вздохнул и, засунув руки в карманы своих чёрных брюк, повернулся и направился к выходу – это был тот самый Месье Валентайн, что сейчас, – по догадкам Розали, – наверное, ещё сладко спит.

Сегодняшний день должен был пройти на «ура».

Художник планировал открыть бутылку грузинского вина двадцатилетней выдержки. Дорогой изысканный алкоголь он предпочитал употреблять в одиночестве, а остальным угощал своих «друзей», которых никогда у него и не было.

«Так, сегодня – пью, – размышлял Валентайн, – завтра – женщины, которых я рисую. Или же сегодня, до обеда я пью, вечером – женщины, а завтра – женщины, которых я рисую? Послезавтра – прошу прощения у Пампушки, на следующий день она приносит мне сигары... Или же в этот день она приносит мне сигары?! Ладно, зависит от обстоятельств... О, Господи! Я ведь обещал ей нарисовать её руки. Так, если я сделаю любой набросок и красивенько его подпишу, то ей, наверное, даже очень понравится. Оно будет смотреться лучше, чем оригинал! Я в этом уверен... Так, а что я делаю дальше?.. А дальше я курю. Что это за день? Среда! О, Господь, среда! И снова, и снова сын мадам Луизы оставит свои сверкающие башмаки, и снова мне придётся „одолжить“ их, чтобы отомстить этому гадкому коту и хоть на полчаса заткнуть его. Мерзость! Как же надоедают эти суровые серые будни. Изо дня в день, из года в год ничего не меняется...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.